
Феномен афантазии в контексте вопроса о сознании

© 2020 г. С.С. Мерзляков

*Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.*

E-mail: merzlyakovss@mail.ru

Поступила 23.10.2018

В 2010 г. А. Земан с коллегами исследовали случай человека, который потерял способность создавать внутренние образные представления после перенесенной операции на сердце. Однако несмотря на отсутствие способности к образному воображению, пациент был способен корректно справляться с тестами на воображение, используя альтернативную когнитивную стратегию. В последующей работе А. Земан дал название исследуемому феномену – афантазия. В статье рассматривается феномен афантазии в связи с вопросом о природе и функции сознания. Подчеркивается особый статус воображения в дискуссии о сознании. Указывается на процесс «эмансипации сознания», который наблюдается в современной философии сознания и заключается в постепенном расширении пространства распространения сознания в мире, заканчивающийся современными вариантами панпсихизма и дискуссиями о протофеноменальных свойствах мира. На примере феномена афантазии рассматривается теоретическая возможность исследовательского движения в вопросах изучения сознания в противоположном от «эмансипации сознания» направлении.

Ключевые слова: воображение, афантазия, сознание, трудная проблема сознания, слепое воображение.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–106–115

Цитирование: *Мерзляков С.С.* Феномен афантазии в контексте вопроса о сознании // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 106–115.

Phenomenon of Aphantasia in the Context of Discussion about Consciousness

© 2020 Sergei S. Merzlyakov

*Faculty of Economics of Lomonosov Moscow state university,
1/46, Leninskiye Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: merzlyakovss@mail.ru

Received 23.10.2018

In 2010 A. Zeman and his colleagues investigated the case of a man who lost the ability to create internal imaginative representations after undergoing heart surgery. However, despite the lack of ability to imagine, the patient was able to correctly cope with tests on imagination using an alternative cognitive strategy. In subsequent work A. Zeman gave the name to the studied phenomenon – aphantasia. The article discusses the phenomenon of aphantasia in connection with the question of the nature and function of consciousness. The article emphasizes the special status of imagination in the discussion about consciousness. The author points to the process of “emancipation of consciousness”, which is observed in the contemporary philosophy of consciousness and consists in the gradual expansion of consciousness in the world. On the example of aphantasia the author discusses the possibility of movement in the research of the mind to the opposite from the “emancipation of consciousness” direction.

Keywords: imagination, aphantasia, consciousness, hard problem of consciousness, blind imagination.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–9–106–115

Citation: Merzlyakov, Sergey S. (2020) “Phenomenon of Aphantasia in the Context of Discussion about Consciousness”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2020), pp. 106–115.

Одной из самых устойчивых идей в философии сознания является представление о связи сознания и воображения. Основной интуицией является исключительная важность воображения для определения сознания вплоть до указания на то, что воображение является атрибутом сознания, то есть необходимым признаком. Природа воображения является одной из главных тем философии на протяжении ее развития. При этом главной интуицией является необходимость воображения для нормального функционирования сознания. В 1880 г. Гальтон опубликовал статью, в которой обратил внимание на различия в субъективной оценке ментальных образов разными людьми. Он разработал опросник, который предлагал людям оценить мысленные образы по яркости, отчетливости, расцветке и т.д. Гальтон начал с опроса своих коллег и обнаружил, что многие ученые имеют слабую способность к формированию мысленных образов. Из чего он сделал вывод о том, что способность формировать яркие ментальные образы препятствует развитию абстрактного мышления. Затем Гальтон увеличил выборку и получил результаты, которые позволили ему сделать вывод о том, что среди людей имеется значительное различие в способности формировать мысленные образы. Так, полученные первые 100 ответов Гальтон упорядочил по степени яркости образа: на первое место он поместил ответ «Яркий, отчетливый, без искажений», а на последнее – «Мои способности на нуле. У меня нет воспоминаний с объективными визуальными впечатлениями». Исследования Гальтона продемонстрировали значимые различия в субъективной оценке ментальных образов [Galton 1880, 301–318].

В XX в. вопрос о различиях между людьми в способности формировать образы несколько сместился в сторону дискуссии о природе самих мысленных образов. Что лежит в их основе: имеющий пространственные характеристики образ или пропозициональное знание, которое не имеет пространственного измерения? Так, С. Косслин указывал на то, что «образные репрезентации представляют информацию наглядно» [Kosslyn 1990, 106]. В противоположность этой позиции З. Пылишин утверждал, что репрезентации, соответствующие ментальному «изображению», скорее дескрипции, нежели изображения [Pylyshyn 1973, 1–24].

В 2010 г. А. Земан со своей командой опубликовал статью, в которой описал случай человека (МХ), потерявшего способность произвольно создавать внутренние визуальные образы [Zeman et al. 2010, 145–155]. После операции на сердце МХ потерял способность визуализировать объекты, хотя раньше активно пользовался этой способностью, в том числе и в профессиональной деятельности. Однако несмотря на отсутствие феноменального переживания внутренних образов, МХ, что удивительно, успешно справлялся с задачами на воображение.

Случаи потери воображения были описаны и ранее, однако они сопровождалась нарушениями при прохождении стандартных тестов на воображение, что воспринималось исследователями как логичное следствие отсутствия способности оперировать образами. Однако МХ интересен тем, что вполне уверенно справлялся со стандартными тестами на воображение, не обладая способностью оперировать образными представлениями и при отсутствии других когнитивных нарушений. МХ не испытывал затруднений в распознавании лиц родственников и друзей. Он узнавал по фотографиям лица знаменитых людей. У него не было проблем с ориентацией в знакомом пространстве или описанием знакомых маршрутов. Он мог дать детальное описание Эдинбурга, включая и образные детали. Однако, когда его спросили, как ему это удается, он ответил: «Я помню образные детали, но я не вижу их... Я не могу объяснить это...». МХ не мог создавать образы по собственному желанию; не мог представить себе лица родственников и друзей.

Исследования показали, что при выполнении задач на воображение паттерны активности мозга у МХ и людей из контрольной группы различаются – МХ использовал для решения задач на воображение какую-то альтернативную стратегию, которая предполагает корректное выполнение задач на воображение при отсутствии самого воображения. При этом принципиальных различий при выполнении других задач у МХ и людей из контрольной группы не было. МХ успешно решал задачи на воображение, но не использовал воображение: некая альтернативная когнитивная стратегия позволяла ему демонстрировать поведение, характерное для использующего образное воображение человека.

Случай МХ позволил исследователям говорить о феномене «слепого воображения» по аналогии со «слепым зрением». «Слепое зрение» – это феномен, указывающий на способность слепого человека реагировать на предъявляемые визуальные стимулы: пациент ничего не видит, однако корректно «угадывает» форму или положение находящегося перед ним предмета. Таким образом, «слепое воображение» – это способность корректно справляться с задачами, которые традиционно воспринимаются как нуждающиеся в воображении, в отсутствие воображения, то есть «слепое воображение» – это «воображение» без воображения, равно как «слепое зрение» – это «зрение» без зрения. И в том и в другом случае субъект указывает на отсутствие необходимых для корректного реагирования феноменальных переживаний, но, несмотря на это, демонстрирует поведение, характерное для людей, которые обладают ментальными образами.

Таким образом, то поведение, которое, как нам казалось, нуждается в воображении, может в нем не нуждаться. То, что мы делаем с помощью воображения, можно сделать и без него, используя некие альтернативные – не попадающие в пространство осознаваемого субъективного опыта – стратегии. Мы привыкли к тому, что воображение является частью нашего существования. Однако среди нас есть люди, которые этой способностью не обладают. Более того, их поведение почти неотлично от нашего.

В следующей работе А. Земан дал название исследуемому феномену – «афантазия» [Zeman et al. 2015, 378–380].

После публикации первой статьи Земана начали находиться люди, которые узнавали себя в пациенте МХ. Один из таких людей – Блэйк Росс, по словам которого осознание того факта, что большинство людей обладают способностью создавать некие внутренние образы и «видеть» объекты «внутренним» зрением, было для него шокирующим открытием. Он никогда не видел внутренних образов и считал, что «считать овец» перед сном – это метафора. Для большинства из нас образное воображение является неотъемлемой частью повседневности, но для Росса эта наша обыденность оказалась фантастической способностью.

Удивительно, но Росс прожил три десятка лет перед тем, как узнал, что настолько не похож на других людей. При этом его поведение не отличалось принципиально от поведения окружающих его людей: он корректно и успешно взаимодействовал с ними. Но это указывает на крайне некомфортную для наших установок вещь: воображение вовсе не является необходимым элементом жизни человека. Обнаружив, что у него отсутствует нечто, что свойственно подавляющему большинству людей, Росс анализирует и описывает свой опыт афантазии. По словам Росса, если предложить ему представить пляж, то он начнет работать не с квазиперцептивным образом пляжа, а с его концептом: он знает, что там есть песок, есть вода и береговая охрана, то есть знает факты о пляже и может эффективно работать с концептом пляжа, в том числе и корректно использовать этот концепт в общении. Но он не может «увидеть» пляж, у него нет никакого ментального образа пляжа. При этом важно обратить внимание на то, что здесь речь не идет об отчетливости образа. Росс отдает себе отчет в том, что люди не видят образы одинаково: некоторые видят яркие образы, а некоторые могут представлять лишь смутные объекты. Росс же не видит внутренних образов вообще. Он начал спрашивать о воображении своих знакомых и друзей. Каково же было его удивление, когда знакомые отвечали ему, что, разумеется, у них есть внутренние образы:

Б.Р. (Блэйк Росс): Если я попрошу тебя представить пляж, как ты опишешь то, что происходит у тебя в голове?

З. (Знакомый): Ну, я представляю пляж. А что?

Б.Р.: Ты имеешь в виду идею пляжа. Верно?

З.: Ну, тут есть волны, песок, зонтики. Довольно расслабляющая картина. С тобой все в порядке?

Б.Р.: Но ведь это не настоящее изображение? Там ведь нет образов?

З.: Есть. У меня в голове. О чем ты вообще говоришь?

Б.Р.: И они цветные?

З.: Да...

Б.Р.: И как часто твои мысли сопровождаются образами?

З.: Может быть, тысячу раз за день.

Б.Р.: Господи...

Росс спросил семьдесят четыре своих друга. Семьдесят один из них описали опыт создания ментальных образов. У Росса отсутствуют мысленные образы внешних объектов, но он обладает фактами об этих объектах, то есть пропозициональным знанием. Он знает лицо знакомого человека, но не может воссоздать визуальный образ на своем «внутреннем экране», потому что никакого экрана у него нет. Не может он представить и простые объекты вроде красного треугольника. Он может обдумывать идею треугольника, но не способен «увидеть» красный треугольник внутренним зрением. Отсутствие способности создавать внутренние образы распространяется и на другие чувства. По словам Росса, он не может воспроизвести мелодию или голос внутри себя, нет у него и внутреннего сенсорного, тактильного, вкусового опыта: он не может вспомнить вкус съеденной пиццы. Не снятся ему и сновидения. При чтении художественной литературы он пропускает элементы художественного описания и ищет концепты, то, что остается, если очистить текст от образов, метафор, то есть всего того, что избыточно для понимания сути повествования.

И для него странно раздражаться из-за актера в фильме по книге, которую он когда-то читал, из-за того, что этот актер не соответствует созданному им образу во время чтения, потому что он не создает никаких образов, когда читает. И он с детства плохо рисует. Но как он без помощи воображения корректно справляется со сложными коммуникативными действиями? Если ему, например, задать вопрос «Каково это – вырасти в Майями?», то честным ответом с его стороны был бы ответ: «Я не знаю», потому что он не может поместить себя в пространство своего детства и снова пережить или создать иллюзию переживания прошлого. Квазиперцептивного опыта у Росса нет. Однако в пространстве коммуникации ему не нужно отвечать честно для того, чтобы быть эффективным субъектом коммуникативного взаимодействия: ему не нужно испытывать квазиперцептивные переживания, ему нужно лишь корректно отвечать на вопрос, то есть ему достаточно создавать иллюзию реакции на подобное переживание. И он создает такую иллюзию при помощи пропозиций: он говорит не об ощущениях, но о фактах. Росс компенсирует свою неспособность иметь ментальные образы языковыми конструктами. На вопрос о детстве в Майями он отвечает примерно следующее: «Мне там не нравилось. Там очень жарко и люди совсем без амбиций. А еще люди какие-то злые, на дорогах они ведут себя агрессивно. Туда весело съездить, но учиться в колледже... поэтому я уехал так далеко, как только смог». Этот ответ состоит из фактов, а не из результатов воссоздания квазиперцептивной картины прошлого. И этот ответ потребовал подготовки. Если спросить Росса о том, как прошел его день и не дать ему времени подготовить факты для рассказа, то, по его же словам, он сохрет, это будет коммуникативная игра, а не честный ответ на вопрос.

Одной из самых любопытных деталей является то, что Росс является успешным сценаристом: он написал сценарий-фанфик популярного сериала «Силиконовая долина». Человек без воображения успешно занимается творческой деятельностью. Разумеется, он и сценарий для фильма создает не с помощью образов, но при помощи концептов: факты, а не квазиперцептивный опыт. По основному роду деятельности Росс является разработчиком программного обеспечения: создание интерфейсов продукта также основано на работе с концептами. При этом Росс признается, что создание эстетического дизайна продукта не является его сильной стороной. Видимо, способность представлять образы в работе дизайнера все-таки играет более значительную роль, чем в работе сценариста. Таким образом, отсутствие воображения в виде представляемого квазиперцептивного опыта не мешает Россу быть эффективным субъектом коммуникации и даже заниматься творчеством.

Исследования Б. Фо демонстрируют, что примерно 2–5 % людей имеют крайне низкую способность представлять образы [Faw 2009]. Он приводит комментарии испытуемых: «Я мыслю скорее идеями, а не образами»; «Я думаю, что я что-то вижу, но я ничего не вижу»; «У меня просто есть представление об объекте. Такое чувство, что мне не нужно видеть его – я уже знаю, что это»; «У меня нет никаких визуальных образов. Есть своего рода несенсорное чувство объекта, действия и т.д.». С другой стороны, тот же автор описывает студента, который несколько раз пытался войти в стену, воображая, что там есть дверь.

Разумеется, мы должны сделать несколько оговорок, когда рассматриваем феномен афантазии. Возможно, большое количество ученых с низкой способностью образовывать отчетливые образы в эксперименте Гальтона говорит не о том, что живое воображение не способно на научной карьере, но о том, что у ученых более развит навык адекватной оценки своих субъективных переживаний. Когда нас просят рассказать о том, как прошел наш день, то отвечаем ли мы после того, как поместили себя в пространство прошедшего опыта и воссоздали прошлые ощущения, или же мы, как и Росс, демонстрируем языковое поведение, основанное на работе с фактами? Видимо, обычно мы все-таки не тратим время на создание воображаемой картины прошлого, а демонстрируем навык работы с пропозициями. По крайней мере, автор этой статьи вынужден признать, что он редко использует способность создания квазиперцептивной картины во время коммуникации: ему не нужно каждый раз помещать себя

в пространство квазиперцептивного опыта для того, чтобы являться относительно эффективным субъектом коммуникации. При должном уровне самонаблюдения мы обнаружим, что наша повседневная коммуникация обычно не нуждается в воображении, но состоит из коммуникативного навыка, основанного на пропозициональном знании, а не на квазиперцептивном опыте. И все ли из нас хорошо рисуют?

Однако говорить о том, что автору не знакомы ментальные образы, нельзя. Возможно, тусклые, возможно, имеют отличную от восприятия внешних объектов природу, но они являются неким вариантом квазиперцептивного опыта, который позволяет, пусть и с меньшей интенсивностью, но все же реагировать на внутренние образные стимулы как на внешние. У Росса этого опыта нет. Мы привыкли к тому, что воображение является необходимой частью нашего существования. Однако среди нас есть люди, которые этой способностью не обладают. И это обескураживает. Более того, поведение этих людей часто неотлично от нашего. И это обескураживает еще больше. Как такое возможно? Что еще скрыто от нас за занавесом привычных установок? Какие еще различия между людьми пока скрыты от нас? И насколько эти различия могут быть значительными?

Одной из основных задач философии сознания является определение функции сознания. Эта задача является одним из элементов «трудной проблемы» сознания, которая указывает на несводимость ментальной природы субъективного опыта к процессам физического мира [Chalmers 1995]. В рамках решения «трудной проблемы» сознания возникает вопрос о причине существования идеального объекта в пространстве каузально замкнутых физических реакций: зачем нам сознание, если большинство когнитивных процессов подчиняется логике «слепых» детерминистических явлений и происходит без его участия? Какова функция сознания?

Если на этот вопрос мы ответим, что у сознания функции нет, то оказываемся на позиции эпифеноменализма, который является тупиком в исследовании сознания, потому что не позволяет указать на момент актуализации сознания, то есть момент, в котором сознание оказывает влияние на поведение. Однако если мы придерживаемся позиции, согласно которой у сознания есть функция, то в этом случае можем поставить вопрос: если у сознания есть функция, то может ли она по-разному реализовываться у людей? Представляется возможным, что функция сознания может реализовываться у людей по-разному, потому что реализация других когнитивных функций у людей различается: далеко не из каждого из нас могут получиться гениальные гроссмейстеры, поэты, художники или банкиры. Мы не все одинаково хорошо решаем те или иные задачи, не все одинаково работаем с цифрами, цветами, звуками и т.д. Поэтому потенциальная функция сознания теоретически может реализовываться у людей по-разному.

Здравый смысл и интуиция подсказывают нам, что внутренний мир людей более или менее схож: мы предполагаем, что субъективный опыт других людей напоминает наш собственный. Однако в данном случае здравый смысл является плохим советчиком: субъективные переживания людей могут кардинально различаться. Это значит, что наша интуиция о схожести внутреннего опыта людей является ложной. Исследования когнитивных процессов демонстрируют, что подавляющее большинство когнитивных процессов не осознаются, а те, которые осознаются, часто не влияют на качество выполнения задач. Те действия, которые сопровождаются субъективным опытом и традиционно воспринимаются как нуждающиеся в сознании, в субъективном опыте не нуждаются вовсе и корректно выполняются организмом на основе бессознательных механизмов: математические операции, речевое поведение, социальное взаимодействие – все это в значительной степени основано на бессознательных механизмах. При этом наука постоянно расширяет пространство бессознательных действий. Это значит, что сознание постепенно теряет статус необходимого элемента существования человека. Пример афантазии показывает нам, что даже казавшиеся нуждающимися в сознании способности человека не являются таковыми, а поведение человека, основанное на альтернативных бессознательных когнитивных процессах, может быть неотлично от поведения с наличием субъективных переживаний.

Но если внутренний мир людей оказывается разным, бессознательные механизмы заменяют сознательные, поведение людей может не отличаться даже при значительных отличиях в особенностях решения одних и тех же задач их мозгом, а функция сознания теоретически может быть реализована по-разному, то что делать в том случае, если эта функция не реализуется вовсе? В этом случае сложно говорить об отсутствии сознания, потому что сама онтологическая природа сознания как субъективного опыта не позволяет указать нам на его присутствие или отсутствие. Но задать вопрос мы можем: является ли сознание универсальным признаком человека?

Становится все более очевидно, что наше поведение если и нуждается в сознании, то далеко не всегда, и в основе своей фундируется бессознательными процессами. Приходится признать и то, что поведение, сопровождающееся сознанием, может быть замещено поведением, регулируемым бессознательными процессами без значительной потери в качестве и оставаться почти неотличимым для стороннего наблюдателя от сознательного поведения. Например, феномен афантазии демонстрирует, что поведение, которое традиционно считалось результатом сознательной работы с внутренними образами, может наблюдаться при отсутствии способности создавать внутренние образы. При этом пример Б. Росса демонстрирует, что врожденное отсутствие способности оперировать ментальными образами не мешает ни успешному социальному взаимодействию, ни даже успешной творческой карьере. Таким образом, отсутствие такой когнитивной функции, как воображение в виде способности работать с внутренними образами, не мешает демонстрировать поведение, опознаваемое сторонними наблюдателями как результат работы с внутренними образами. Таким образом, мы должны принимать во внимание теоретическую возможность отсутствия реализации функции сознания, что позволяет нам задать вопрос о наличии самого сознания.

Воображение не является лишь еще одной когнитивной способностью человека среди многих, но занимает особое место, потому что является одним из основных объектов дискуссии о сознании. Еще раз отметим, что воображение является потенциальным атрибутивным свойством человека. Возможно, квазиперцептивный опыт является нашей отличительной видовой особенностью, а способность реагировать на внутренние переживания является вероятной функцией сознания. В этом случае сознание в виде субъективных данных нужно для того, чтобы работать с квазиперцептивным материалом. Таким образом, вопрос о воображении – это вопрос о сознании. Поэтому феномен афантазии вносит коррективы в дискуссию о сознании и позволяет поставить новые вопросы, обнаружить новые векторы поиска ответов.

По мере развития научных представлений о природе человека и обогащения науки знаниями о других живых существах становилось все более очевидным, что человек имеет гораздо больше общего с другими живыми организмами, чем казалось раньше. Оказалось, что животные могут обладать теми свойствами, которые ранее считались видоспецифическими свойствами человека. В XX в. высшими психическими функциями наделяются приматы и некоторые другие животные. В том же XX в. территория предполагаемых специфически человеческих свойств расширилась уже и на неживую природу: началась дискуссия о компьютерном сознании. Сегодня речь идет о возможности существования сознания на искусственном носителе и обсуждаются разные версии искусственного интеллекта. Однако эта «эмансипация сознания» продолжилась, и появились современные версии панпсихизма с наделянием всего мира свойствами сознания и обсуждением протофеноменальных свойств мира. Таким образом, сознание проделало путь от специфически человеческого свойства до универсального свойства мира: если в XVI в. спорили о существовании души у американских аборигенов, то в XX в. сознанием наделяются некоторые животные, затем допускается возможность машины обладать сознанием и апофеозом становится представление о повсеместном распределении сознания в мире.

Однако эта тенденция на расширение присутствия сознания в мире противоречит исследованиям, которые указывают на то, что большая часть когнитивных операций человека в сознании не нуждается. Кроме того, некоторые задачи могут успешно

решаться за счет альтернативных когнитивных стратегий «в темноте», то есть при отсутствии феноменальных переживаний. Но если поведение человека все менее нуждается в сознании, то какие у нас основания расширять присутствие сознания в мире? В этом случае логичной стратегией будет противоположное – сужение пространства присутствия сознания в мире. Движение в противоположном направлении означает попытку наложить ограничения в распространении сознания на самого человека.

Разумеется, мы не говорим о том, что у людей с афантазией нет сознания. Это чрезмерно вольное утверждение, которое наталкивается на сложность определения воображения как способности реагировать на внутренние стимулы, которые могут иметь не только образную природу, но и в основе полагаться на двигательные паттерны, схемы и т.д. Но мы указываем на возможность движения в противоположном от «эмансипации сознания» направлении. Это теоретико-методологическая позиция. Пример афантазии нам нужен был для того, чтобы указать на теоретическую возможность неравномерного распределения такого признака как сознание. В этом смысле воображение является полезным примером, поскольку оно до сих пор является хорошим кандидатом на функцию сознания. Что можно найти, если двигаться в этом направлении?

В одной из лекций, проходившей в МГУ им. М.В. Ломоносова, психофизиолог А.Я. Каплан рассказывал о разработке интерфейсов «мозг – компьютер», которые позволяют управлять девайсами с помощью «силы мысли», то есть при помощи датчиков, регистрирующих активность мозга. Эта технология позволяет парализованным пациентам «силой намерения» управлять искусственной конечностью. Сначала исследователи стимулировали моторную кору пациента, следствием чего был мышечный ответ в руке. Но затем они предложили пациенту вообразить движение руки и также обнаружили увеличение мышечного ответа, что означало передачу сигнала от моторной коры к мышце. Таким образом, воображение движения приводило к сигналу в мышце даже большему, чем при искусственном стимулировании коры. Человек лишь вообразил движение, и ответ мышц увеличился. Однако, замечает А.Я. Каплан, не для любого воображения движения этот механизм срабатывает: человек может «неправильно» воображать. В этом случае ему предлагают отработать «правильное» воображение. По завершении лекции автор статьи задал вопрос А.Я. Каплану: бывают ли случаи, когда человек так и не научился «правильно» воображать? Такие случаи бывают.

Понятен интерес ученых к эффекту, который оказывает воображение движения на девайс. Исследования позволяют быстро продвигаться в изучении мозга и создавать задел для технологий будущего: это динамичная, перспективная и воодушевляющая область. Поэтому «неправильное» воображение может восприниматься исследователями как досадная помеха. Но, возможно, не меньший интерес для исследования сознания представляют те случаи, когда этого эффекта не наблюдается. Возможно, в этом направлении можно обнаружить что-нибудь интересное. К. Кох и Ф. Крик упорно искали нейронные корреляты сознания. Но, возможно, сознание не у каждого нужно искать, потому что не у каждого его можно найти. Кох и Крик задают вопросы: «Может ли изменение в одном единственном гене превратить животное с сознанием в зомби? Если так, то какое исследование покажет, что у него нет сознания?» [Koch, Crick 2001, 893]. Но может ли одно единственное изменение превратить человека в зомби? И если так, то как это обнаружить? И, разумеется, движение в этом направлении дает выход в этику. Если предполагаемая функция сознания не реализуется, то что это может значить? Где искать ответ на этот вопрос? И нужно ли?

В процессе «эмансипации сознания» пространство его распространения постоянно расширялось: сначала на высших животных, потом на искусственный интеллект, и, в результате, расширение присутствия привело к появлению современных версий панпсихизма – этого апофеоза повсеместного распространения сознания в мире. Однако обратим внимание на то, что по этой дороге можно идти и в противоположном направлении.

«Алый океан» – термин, предложенный специалистами в области стратегического менеджмента Ч. Кимом и Р. Моборном в рамках развиваемой ими стратегии «голубого океана». «Алый океан» представляет собой высококонкурентное рыночное пространство, в котором наблюдается переизбыток однотипных товаров. Вход на этот рынок осложняется сильной конкуренцией, в ходе которой производители пытаются превзойти друг друга: они «режут друг другу глотки», заливая океан кровью. При этом места для новых компаний становится все меньше, так как сферы и границы «алого океана» уже поделены, возможностей для роста становится все меньше, а прибыль падает. Авторы стратегии предлагают выход: нужно выбирать из «залитого кровью алого океана» в чистые воды «голубого океана», где конкуренция не так остра, потому что «голубой океан» – это нетронутые участки рынка, в которых правила «игры» еще не установлены и границы не очерчены. Выход в чистое пространство становится возможным благодаря созданию нового продукта, который раздвигает границы отрасли, создает новые рынки и превращает человека в потребителя: это пространство инноваций [Kim, Mauborgne 2004].

То, что предложили Ким и Моборн, можно описать привычным для философии языком: речь идёт о выходе за пределы существующей парадигмы взглядов. В этом смысле, «алые океаны» существуют не только в экономике, но и в других областях, в том числе и в философии. Деннет в книге «Сладкие грезы: чем философия мешает науке о сознании» рассматривает популярный в современной философии сознания мысленный эксперимент «философский зомби». Эта модель предлагает представить гипотетическое существо, не обладающее субъективными переживаниями, но демонстрирующее поведение, не отличимое от поведения человека. Разбирая этот мысленный эксперимент, Деннет пишет: «Никто из философов не думает, что действительно существуют какие-то там зомби, но многие философы считают, что важно учитывать (логическую) возможность того, что зомби могли бы существовать, а также то, каковы следствия такой возможности» [Dennet 2005, 80]. Эта фраза Деннета демонстрирует, насколько современные философы избирательны в вопросе распространения сознания. Никто из философов всерьез не рассматривает возможность наложения ограничения на распространение сознания за счет человека.

Кох и Крик спрашивают: «Может ли изменение в одном единственном гене превратить животное с сознанием в зомби?» Почему они не задают тот же вопрос о человеке? При этом движение в противоположном направлении, то есть в направлении расширения пространства распространения сознания в мире, не встречает значительного сопротивления. Возможно, это происходит в силу некоторых этических установок. Действительно, подобная постановка вопроса не отличается этической привлекательностью для современного исследователя: попытка ограничить распространение сознания за счет человека упирается в очевидные препятствия морального и культурного свойства. Возможно, наблюдаемый вектор на эмансипацию сознания является одним из следствий парадигмы запрета на ограничения по какому-либо признаку. В данном случае по признаку наличия сознания. Нельзя ограничивать кого-либо по какому-то признаку – таково следствие парадигмы толерантности, прежде всего западной культуры. Замечательная парадигма, которая позволяет строить свободное общество. Однако при всей своей этической привлекательности, эта парадигма имеет свойственное любой другой парадигме отрицательное качество: она слепа к альтернативам, то есть налагает некоторые ограничения на дискурсивные практики. Возможно, это является одной из причин неохотного движения в направлении ограничения распространения сознания в мире. Этими лакунами в дискуссии о сознании нужно пользоваться.

Современная западная философия сознания – это «алый океан», дискурсивные границы которого очерчены, основные позиции остаются неизменными, а игроки определены. Это высококонкурентный «рынок» с крайне высоким порогом входа и низкой «прибылью». В этих условиях хорошим вариантом является выход в «голубой океан», поиск границ этого пространства. В методологическом плане движение в противоположную сторону может окупиться в виде обнаружения новых вопросов, которые своим существованием расширяют пространство дискуссии о сознании.

Места для сознания в научной картине мира остается все меньше, а такие явления, как афантазия, демонстрируют, что люди могут жить без того, что еще недавно считалось необходимым. Вопрос не в том, различаются ли люди между собой. Люди, безусловно, различаются, они индивидуальны. Вопрос в том, может ли эта разница быть онтологической?

References

- Chalmers, David (1995) "Facing up to the problem of consciousness", *Journal of Consciousness Studies*, No. 2 (3), pp. 200–219.
- Dennet, Daniel (2005) *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*, The MIT Press, Cambridge, MA, US.
- Faw, Bill (2004) "Conflicting Intuitions May Be Based On Differing Abilities: Evidence from Mental Imaging Research", *Journal of Consciousness Studies*, 16 (4), pp. 45–68.
- Galton, Francis (1880) "Statistics of Mental Imagery", *Mind* (5), pp. 301–318.
- Kim, Chan, Mauborgne, Renée (2004) *Blue Ocean Strategy*, Harvard Business Review Press.
- Koch, Christof, Crick, Francis (2001) "On the zombie within", *Nature*, 411 (21 June 2001).
- Kosslyn, Stephen (1990) *Mental imagery. Visual cognition and action: An invitation to cognitive science*, Vol. 2, The MIT Press, Cambridge, MA, US.
- Pylyshyn, Zenon (1973) "What the mind's eye tells the mind's brain: A critique of mental imagery", *Psychological Bulletin*, 80 (1), pp. 1–24.
- Zeman, Adam et al. (2010) "Loss of imagery phenomenology with intact visuo-spatial task performance: A case of 'blind imagination'", *Neuropsychologia*, Vol. 48 (1), pp. 145–155.
- Zeman Adam et al. (2015) "Lives without imagery – Congenital aphantasia", *Cortex*, Vol. 73, pp. 378–380.

Сведения об авторе

МЕРЗЛЯКОВ Сергей Сергеевич –
кандидат философских наук,
научный сотрудник Экономического факультета
Московского государственного Университета
им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

MERZLYAKOV Sergey Sergeevich –
CSc in Philosophy, researcher,
Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University.